

РАЗДЕЛ I

Вебер Вальдемар, Германия

БЫЛ, В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ, ЗНАКОМ ЛИЧНО

В начале девяностых я вел семинар в университете Граца, столицы австрийской Штирии. Приходили на мои занятия в основном русисты, избравшие русский язык и знание о России своей профессией. Некоторые, хотите верьте, хотите нет, учились с единственной целью: читать в оригинале русскую литературу. Многие и сами писали стихи и прозу. Поэтому я относился к ним не как наставник, а как собрат по перу, как коллега по цеху литературы, где, как известно, возрастных барьеров не существует. Пересудов своих университетских коллег я не опасался. «Гостевому профессору» стиль поведения не предписывается.

Порой разговоры с моими семинаристами переносились в пивные или кафе, летом - в биргартены. В отличие от романских стран, где столы и стулья в хорошую погоду расставляют прямо на тротуаре у входа, в питейных заведениях Германии, особенно южной, а также в Австрии и немецкой Швейцарии для желающих расположиться на свежем воздухе оборудуются во дворе под тенистыми деревьями или широкими летними зонтами эти самые биргартены. Здесь царит шпичвеговская* атмосфера домашнего уюта, вынесенная под открытое небо, не слышно уличного шума и ничто не должно отвлекать от беседы.

Однажды от одного из своих подопечных я получил приглашение отужинать с ним и его друзьями в ресторане «Гёссер» по поводу некоего знаменательного события. Какого - не сообщалось. Прихожу в ресторан и рядом с входной дверью сразу замечаю (нельзя не заметить) яркую самодельную вывеску с изображением пятиконечной звезды, бутылки водки и надписью от руки по-немецки: «Собрание Клуба имени Венечки Ерофеева - в большой беседке биргартена».

Употребляю слово «клуб», привычное для русского слуха. Правильнее бы, наверное, сказать ферейн, как в немецком, однако, слово это, начавшее входить в русский обиход незадолго до революции, привиться не успело, - исчезла сама возможность для подобного рода объединений.

За столами много моих студентов, но большинство собравшихся незнакомо. Сегодня я как почетный гость упомянутого ферейна зван на юбилейное - десятое заседание.

Вспомнилось, что с чем-то похожим уже приходилось встречаться. В семидесятые годы в Лейпциге существовал «Клуб имени Юрия Трифонова», автора в ГДР необычайно популярного, особенно в среде оппозиционно настроенных интеллектуалов. Он означал для них саму возможность существования настоящей литературы и в условиях строжайшей цензуры. В отличие от открытых диссидентов, Трифонов сумел де найти форму высказывания критических суждений, не подвергая при этом сомнению мифы господствующей идеологии, не входя в конфликт с властью, не становясь неудобным элементом, - и это в стране, у которой гедээровским немцам надлежало учиться. В ГДР тогда повсюду на транспарантах можно было прочесть: "Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать". «Wenetscka

-Jerofejev-Verein», или, как бы сказали сегодня, «Клуб фанов Венечки Ерофеева» существовал уже больше полугода. Для вступления в него требовалось, прежде всего, отличное знание поэмы «Москва – Петушки», каждому кандидату устраивался строгий экзамен. Кроме филологов, были здесь богословы, биологи, историки, юристы, медики. Клуб видел свое предназначение в знакомстве с литературой, абсолютно независимой от сложившихся представлений и диктата среды. Девиз: « Быть свободным, как Венечка Ерофеев».

- Присутствующим хотелось, конечно же, знать, общался ли я когда-нибудь с Ерофеевым, видел ли его живого.

- Нет, не видел, но был, можно сказать, в каком-то смысле, знаком с ним лично, - проямлил я.

Мои "в каком-то смысле" и "можно сказать" подействовали интригующе. Меня обступили со всех сторон. Вот она слава! Здесь, на южной окраине Австрии, где еще шаг - и начнутся бесконечные Балканы, в тенистом штирийском биргартене, молодые люди восхищенно ждали от меня рассказа о великом русском забулдыге, им хотелось знать про него все, и как можно подробнее.

...В те брежневско-андроповские времена я читал в основном самиздат, он шел на черный книжный рынок из-за границы валом. Покупал за солидные деньги, и, прочитав, опять продавал. Некоторые книги, а чаще всего просто слепые копии, давали почитать московские знакомые - литераторы, актеры, художники, физики, математики. Среди книг встречались уникалы. Например, у меня довольно долго пробыла совершенно зачитанная книга афоризмов Андрея Синявского, подаренная им в Париже Владимиру Высоцкому, с посвящением, свидетельствующем о глубоком уважении автора к творчеству барда. Высоцкий пустил ее по рукам; к тому времени, когда она попала ко мне, она уже года два путешествовала из дома в дом.

Таким же образом забрела ко мне и книга Александра Зиновьева "Зияющие высоты", подаренная автором Венедикту Ерофееву. И тоже с посвящением. Ерофеев дал ее на неопределенное время Галине Погожевой, московской поэтессе и переводчице. Та оставила книгу у меня, а сама укатила с французскими музыкантами в поездку по стране. Бывало, Погожева пропадала на целые месяцы.

Прочитав Зиновьева, я тоже стал одалживать его друзьям и знакомым. А книга большая, афористичная, читать следует не спеша. В нее вцеплялись, подолгу не отдавали.

Галина Погожева все не приезжала, и я начал свыкаться с мыслью, что Зиновьев как бы уже мой.

Но вот однажды звонок. В Москве не принято, снимая трубку, представляться.

- Аллë.

Звонивший тоже не отрекомендовался.

- Доброе утро. Говорят, у Вас моя книга, ну этого, Каменева.

Я сразу сообразил, о чем идет речь и кто мне звонит.

- Да, у меня.

- Она мне срочно нужна.

- Назовите адрес куда привезти. Но сегодня я не смогу, у меня дела.

Я лукавил, книгу мне еще предстояло забрать у моего соседа, публициста Василия Селюнина, будущего паладина перестроечной прессы, тогда мало кому известного. Он был постоянным пользователем моей

потайной книжной полки. Цитировал Зиновьева целыми абзацами наизусть, и все никак не хотел возвращать.

Звонивший предложил:

- «В ближайшее воскресенье в доме Фадеева* творческий вечер Левика*, ну, этого, переводчика, - я там гость нечастый, но вот решил сходить, как никак Вениаминович... Встретимся в фойе перед началом, узнать меня просто, я там выше всех, даже Михалкова.

Номера телефона я спрашивать не стал. Неизвестно по каким причинам владелец книги не назвал ни своего, ни моего имени.

За день до встречи я позвонил Левику, которого хорошо знал, попросил, чтобы он захватил с собой несколько моих залежавшихся у него книг.

- Es tut mir leid*, голубчик, но у меня в воскресенье не предполагается никакого вечера. Последний мой авторский вечер состоялся ровно год назад и, действительно, в ЦДЛ. Тот, кто вам сообщил о моем выступлении, заглянул, скорее всего спяну, в календарный план прошлого года, - связвил Вильгельм Вениаминович.

Меня подмывало на это ответить, что не «скорее всего», а наверняка, и что «заглянувшим» был сам Венечка Ерофеев, вдруг пожелавший оказать ему, непьющему переводчику Левику, своим посещением его, Левика, вечера великую честь, но, помня о конспирации Ерофеева, сдержался.

В назначенный срок на встречу никто не явился. Я целый час одиноко простоял перед закрытыми дверьми ЦДЛ, ресторан тоже не работал, был санитарный день.

Телефона у меня не было. Галина Погожева где-то далеко. Не оставалось ничего другого, как ждать нового звонка.

Позвонил Ерофеев только через несколько месяцев.

- Здравствуйте, это снова я, по поводу Радека. Я тогда не смог на вечер этого, как его, Гинзбурга, прийти. Накануне... ну... не сдержался. Простите. Надеюсь, Вы не очень там скучали. А Вы почему не звоните?

Упрекать любимого писателя мне не хотелось. Смущать упоминанием о его ошибке, о которой он и не догадывался, тоже. Я лишь с облегчением понял, что он не разыграл меня тогда, действительно звал на вечер.

- Вы же мне не оставили телефона.

- Неужели? Ну, значит, Вас шадил, за контакты со мной по головке не гладят, а ещё есть такие, звонишь им, а они тебе: ты чё фамилию свою называешь.

- Венедикт Васильевич, если Вы сами по каким-то причинам не опасаетесь контактов со мной, я общения с Вами, по телефону или наяву, совершенно не боюсь. Наоборот, почту за честь записать Ваш номер и Ваше имя в свою телефонную книжку.

Пауза.

- Вот Вы сами во мне недоверие сеете, откуда Вам известно мое отчество, ведь его никто, кроме двух-трех людей, в целом мире не знает...

Я не знал, что ответить.

- Не обижайтесь, я в шутку. Хорошо, не будем в прятки играть, записывайте... звоните... приезжайте...

Через несколько дней с волнением набираю номер записанного телефона.

- Ясно, Вам нужен Ерофеев, Вы говорите с его женой Галей, он дома, но подойти не может, позвоните завтра.

Звоню на следующий день, мне опять советуют позвонить завтра. И так несколько раз. Наконец, со мной говорят в раздраженном тоне:

- Ну что Вы не понимаете, что ли, ну не может он.

Больше не звоню. Звонит сам Ерофеев.

- Здравствуйте, это я опять, насчет Пятакова. Я поболел тут немножко, Вы уж меня простите.

- А я как раз перечитываю Вашу книгу.

- Да разве ее можно перечитывать, такую Федуру.

- Да нет, не Пятакова, Ваши «Петушки».

- А... Наверное, тот вариант, в котором 177 ошибок. Приезжайте, я Вам его выправлю, собственноручно... Тьфу... сказал и самому противно стало, вот видите, живу в сознании собственной значительности. Кстати, Вы сами-то как с такой фамилией по земле бродите.

- Да обычная фамилия, у немцев встречается чаще, чем Ерофеев.

- Ну это там у них, а у нас Вы из мира эльфов и Волчьей долины.

- Были Веберы и позначительней композитора.

- Это кто?

- Ну, Макс Вебер, например...

- Вы меня разочаровываете... Нет, вы меня убиваете... Сравнить какого-то занудного профессора с творцом арии Агаты из «Фрейшица»! У меня пропадает желание с Вами знакомиться... Как это Вы так моего Карла Марию фон ... Он хоть и романтик, и мечтатель, а первым все эти оперы-серия и оперы-буфф, всяких там мейерберов, пуччит и хьораванти на хер послал*, дом лесничего прямо на краю Волчьего оврага поставил, вурдалаков в подполе дома поселил... Вот, мол, как близко с нами проживают... Спустился в подпол, и вот они... Это тебе не о плебесцитах пиз..ть! Кстати, Вагнер к нему в карман хорошо руку запустил, в смысле идеек... А еще мне этот Карл Мария фон симпатичен тем, что мало написал. Не нравятся мне эти многописаки.

- А Моцарт?

Молчание.

Потом вдруг на ты:

- Послушай, ты мне напоминаешь одну комсомолку из МГУ разлива 1961 года. Я ей говорю: идеальных людей не бывает, а она в ответ: а Никита Сергеевич Хрущев?

Наши разговоры обрывались, возобновлялись. Сюжет с книгой Зиновьева стал отходить на второй план. Запомнились лишь фрагменты. Порой, когда он звонил сильно выпивши, временно переходил на ты.

- Вальдемар, ты Розанова читал?

- Нет, еще не читал.

- Ну как же я с тобой встречаться буду, если ты Розанова не читал.

Прочти, тогда звони.

- Я думал, Вам книга срочно нужна.

- Да не мне. Тот, кто просил, умотал в какой-то Засранск. Читай Розанова, пока «Апокалипсис» не прочтешь, не появляйся.

Или в другой раз:

- Где она там, сука эта, когда книгу отдаст?

- Да Вы же знаете, книга у меня, Галина Погожева оставила её мне, она в постоянных поездках и надеялась, что книгу отдам Вам я, а мы с Вами вот уже год как встретиться не можем. Погожева тут не при чем. Вы ее стихов не читали, иначе бы так не называли.

- Читал, потому и называю. У меня это слово заслужить надо...

В конце концов я отдал книгу назад Погожевой, и она сама доставила ее Ерофееву. Телефонные контакты прекратились. Повода для очной встречи больше не было.

Но вот однажды мои друзья, немецкие слависты, захотели познакомиться с Ерофеевым лично, и я позвонил ему. Попал на жену. Она Ерофеева к телефону звать не стала, назначила время встречи сама.

- Можете не беспокоиться, я прослежу, чтобы он к Вашему приходу в норме был.

Я попросил объяснить, как лучше добраться.

- Да Вы же у нас бывали.

- Никогда не бывал.

- Да совсем недавно приезжали... Меня дома не было. Я вам еще звонить хотела, собиралась отругать, что крепкие напитки с собой привозите, виски да бренди... ну Ерофеев... что же это он, каждый раз врал, значит... Вот сволочь!

Мне бы сообразить, придумать что-нибудь, выгородить Венечку, а я стал завираться, нести несвязное.

- Да ладно, - сказала Галя, - все ясно, он мне уже третий год эту тюльку заправляет, приезжал, мол, Вальдемар с коньяком, ты же, мол, знаешь, я дорогую выпивку не люблю, но как отказать человеку с таким именем и такой фамилией! К тому же Вениаминовичу! Так что мне теперь на Вас уже и самой взглянуть любопытно.

- Прошу вас, не разоблачайте Венедикта Васильевича...

- Обещаю. Но только до первого раза. Если опять Вами прикрываться станет, не выдержу, сорвусь, вот гад...

Однако и на этот раз моя встреча с Ерофеевым не состоялась. Что-то произошло у меня в семье, славистам пришлось ехать к Ерофееву одним, переводчик им был не нужен, на то они и слависты.

Вскоре приплыла перестройка, и Ерофеева, уже смертельно больного, начали осаждать журналисты и любопытные. Рассказывали, что дверь у него не закрывалась. Незнакомые люди, телевизионщики. Не хотелось вливаться в их толпу, смазывать суетной реальностью интонацию прежних разговоров...

...Слушавшие смотрели на меня с обожанием и недоумением.

Мои воспоминания, процедура приема меня в члены клуба и обязательное чтение очередной главы из бессмертной поэмы с последующей дискуссией - все это затянулось далеко за полночь.

На прощание председатель ферейна сообщил, как водится, о дате следующей встречи, а также о ее содержании: будет обсуждаться глава «Есино - Фрязево».

*Шпицвег, Карл (1808–1885). Немецкий художник эпохи бидермайера.

*Дом Фадеева - Центральный дом литератора им. А.А. Фадеева (ЦДЛ)

*Левик, Вильгельм Вениаминович (1907-1982). Поэт-переводчик. Переводил Шекспира, Байрона, Бодлера, Гете, Шиллера, Гейне, Лафонтена, Мицкевича, Ронсара, Дю Белле, Камюэнса, Петрарку.

* es tut mir leid (нем.) – мне жаль

* Джакомо Мейербер (1791 - 1864) - композитор, создал эклектичный стиль большой, помпезной оперы; Винченцо Пуччита – (1778 — 1861), Валентине Фьораванти (1764 — 1837), композиторы-эпигоны, сочинявшие произведения для «услаждения слуха» эффектными виртуозными ариями.